

УДК 82.091

**ЗАПАД И/ИЛИ ВОСТОК
(К ПРОБЛЕМЕ ПРЕОДОЛЕНИЯ ЗАПАДНОЦЕНТРИЗМА
В ПРЕПОДАВАНИИ ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ)**

© 2011 г.

Г.В. Якушева

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, Москва

inbox@pushkin.edu.ru

Поступила в редакцию 25.11.2010

Рассматривается проблема изучения зарубежной литературы как Запада, так и Востока в современных школах, в высших учебных заведениях.

Ключевые слова: зарубежная литература, Восток, Запад, диалог культур, мировая литература.

Сегодняшний Запад, словно повторяя эстетический ригоризм классицизма XVII в. в отношении античного искусства, сакрализует свой исторический путь, внедряя в мировое сознание мысль о его единственной правильности, «нормативности» и приветствуя всё, что сближает страны Востока с западным менталитетом и общественными законами – будь то идущие «изнутри» светские реформы первого президента (1923-1938) Турецкой республики Ататюрка, или порывающая с национально-государственным изоляционизмом «революция Мэйдзи» (1867-1968) в Японии, или инспирированные внешним вмешательством преобразования в Ираке начала XXI века.

Но при этом следует заметить, что эта западная «эталонизация» собственного опыта вполне корреспондирует с непобедимой – как бы к ней не относиться – современной тенденцией к глобализации мирового геополитического пространства. Не надо воспринимать её как сигнал к «усреднению», стандартизации по определенному лекалу, нивелировке мирового сообщества, что а priori предполагает ущемление, подавление одних составляющих последнего другими по критериям очень условным и субъективным, ибо невозможно дать убедительные для всего мира доказательства превосходства одного типа культуры над другим. Усилия в этом направлении могут привести лишь к глобальной конфронтации, идеологическим фундаментом каковой в последние годы становится усердно муссируемый тезис о судьбоносной борьбе двух цивилизаций, христианской и мусульманской, – и вот уже в зарубежном политическом лексиконе самого высокого уровня все чаще стало появляться убийственное определение: «страны-изгои»...

Печально, но не ново. Знающий историю Первой мировой войны вспомнит, что в канун и в разгар её уже звучал аналогичный термин: «страны-парии» (правда, с учетом тогдашней геополитики – в отношении других государств) и настойчиво разрабатывалась сходная мысль о непримиримом противостоянии двух цивилизаций – правда, в тот раз «тевтонской» и «романской» (что означало для одной стороны – «здоровой» и «развращённой», а для другой – «невежественной» и «высококультурной»). И, конечно же, знающий не может не обратиться памятью к тогдашним призывам Романа Роллана к «людям духа» «встать над схваткой», воспрепятствовать войне государств, точнее – правительств-хищников, облакающих собственную корысть в благородные одежды идейной борьбы, исполнить главную задачу интеллигентов – воспитывать человечность у своих сограждан, «наводить мосты» между нациями, а не «углублять пропасти» между ними [1, с. 39].

Ничуть не устаревший, актуальнейший призыв для начала и нашего столетия (как и нового тысячелетия в целом, ведущего свою родословную от Христа и берущего его имя, но пока ещё только декларирующего готовность стать по-христиански милосердным и бескорыстным). И для осуществления этого призыва прежде всего нужно освободиться от «идолов» предрассудков – этих вечных заблуждений зачастую слишком эгоистичного и внушаемого человеческого разума, о которых с таким блеском и убедительностью еще в начале XVII в. писал Фрэнсис Бэкон, – и освободиться с помощью уже испытанного метода: знания. Ибо подлинное, неискаженное познание Востока, его истории, традиций, верований, быта, образа мыслей и культуры, познание, которое сегодня идёт у нас по

какой-то параллельной, как будто бы необязательной, не пересекающейся с нашими живейшими потребностями линии, есть первый и главный путь конструктивного диалога с ним.

В первую очередь сказанное относится к проблеме изучения зарубежной литературы в наших школах и (особенно!) вузах. Современную молодежь уже со школьной (по большому счёту) и, безусловно, со студенческой скамьи следует погружать в гораздо более широкий культурный и, как важнейшую его часть, литературный мир, чем это делалось несколько десятков лет назад. Не только Нобелевская и иные престижные международные премии, не только дискуссии и труды учёных, но и широкий читательский интерес подхватил и вынес на авансцену мирового литературного процесса XX в. десятки имен представителей доселе почти не известных культурной планете латиноамериканских, африканских и восточных литератур, в том числе японцев Кавабата Ясунари, Мисима Юкио и Кобо Абэ, индийца Рабиндраната Тагора, турок Назыма Хикмета и Орхана Памука, и на этой волне – имена древних классиков арабской, персидской, китайской литератур, неизвестные или полузабытые: Калидасы и Ли Бо, Сэй-Сёнагон и Омара Хайяма, Хафиза и Фирдоуси... И все это подпитывается мощным вторжением Востока в современные геополитические и цивилизационные процессы, заставляя евроамериканца искать не только новые смыслы, но и альтернативу во многом скомпрометированным западным ценностям в философии и этике дзэн-буддизма, конфуцианства и даже ислама.

Однако курс зарубежной литературы в наших школах (если он там есть) и в вузах (на факультетах, где он обязан быть), как правило, построен по той же схеме, что бытовала в большинстве случаев и 20, и 30, и 50, и 100 лет тому назад: изучается художественная словесность Античности (в лучшем случае – с включением сведений о творчестве выдающихся ораторов, философов и историков), затем – западноевропейские Средневековье, Возрождение, Барокко, Классицизм, эпоха Просвещения, Романтизм, Реализм, Натурализм, Символизм... и далее – по увлекательным, разнообразным и безусловно очень близким нам по духу, исканиям и стилю литературно-эстетическим направлениям и сюжетам. Картина содержательная, но односторонняя, лишь отчасти восполняемая с начала прошлого века североамериканским, а с конца его весьма выборочным латиноамериканским материалом – в основе своей «западноподобным», созданным переселенцами из Старого

Света, унёсшими семена культуры последнего на своих подошвах. А огромный Восток остаётся для тысяч профессиональных филологов российского (и, увы, не только российского) производства terra incognita, знакомой лишь в той мере, в какой тот или иной любопытствующий захотел прикоснуться к ней, становясь за редчайшими исключениями объектом программного изучения только в специальных востоковедческих учебных и научных учреждениях, где, напротив, очень поверхностно знают Запад, – в связи с чем словно узаконивается этот своеобразный научно-культурный апартеид, ведущий к взаимному непониманию, подозрительности и гиперкритицизму.

Между тем спокойное и добросовестное, без предвзятости, скептицизма или идеализации, изучение Востока не только обогатит наши представления о многовековой и многоликой истории литератур арабских и персоязычных стран, Турции и Индии, Китая и Японии, Кореи и Вьетнама (как и других государств), не только заставит с большим уважением относиться к их духовной жизни, но и даст возможность нам, европейцам, более объективно оценить нас самих, меру нашей самобытности – и нашего ученичества у Востока, на который веками мы привыкли смотреть патерналистски, немного «сверху вниз».

Так, мы узнаем, что «плутовская» новелла, «обрамлённая» повесть, хорошо нам известная со времен «Декамерона» Дж. Боккаччо и анонимного испанского романа «Ласарильо с Тормеса», т.е. с XIV–XV вв., сформировалась и расцвела в жанре макамы на арабском Востоке уже к X в.; что популярный ныне жанр эссе – прозаические сочинения небольшого объёма и свободной композиции, передающие индивидуальные впечатления и размышления по тому или иному вопросу или поводу, впервые заявивший о себе в литературе Запада в XVII в. «Опытами» М. Монтеня, был хорошо известен и распространён в классической литературе Японии эпохи Хэйан уже в X–XI вв., чему блестящим доказательством – «Записки у изголовья» Сэй-Сёнагон в национальном жанре «дзуйхицу» («вслед за кистью»), а аналогом европейских литературных «дневников», «писем» и других исповедальных жанров, зародившихся на нашем континенте в XVIII в. и в качестве мемуаров необычайно востребованных у нас в XX–XXI вв., был расцветший в ту же хэйанскую эпоху в Японии дневниково-мемуарный жанр «никки».

Много нового даст нам Восток в истории животного эпоса (бесчисленные ближневосточ-

ные варианты «Калилы и Димны», восходящие к своей прародительнице, индийской «Панчатантре», относимой к первым векам н.э., одни из тому свидетельств), афористически-притчевый сказ и анекдота (рассказы-«бывальщины» о Ходже Насреддине), нравоописательно-приключенческого и любовного романа (арабские сказки «1001 ночь», восходящие к индо-иранскому сборнику «1000 сказок», сложившемуся уже к VI–VII вв.; повествования о Синдбаде-мореходе, во многом предвосхитившие европейские «морские» романы XVIII–XIX вв., и т.п.), не говоря уже о любовной лирике: ведь еще задолго до европейских романтиков с их тоской по недостижимому и «тяготением к смерти» – «*Sehnsucht nach dem Tode*», поэты аравийского племени «узра» воспевали несчастную или неутолённую любовь, доказывающую свою подлинность страданиями и смертью от тоски по недоступной или скончавшейся возлюбленной, и эта традиция узритской поэзии немного позднее так же противостояла циничному гедонизму формирующегося арабского города, как в Европе XIX в. романтический «голубой цветок» – буржуазному культу денег, успеха и всего «материального». Кстати, мотив «двойного самоубийства», практикуемый не только в практике, но и в жизнестроении немецких романтиков (вспомним судьбу Генриха Клейста, покончившего жизнь самоубийством вместе со своей возлюбленной), был постоянным в японской литературе начиная, как минимум, уже с XVII в. – времени творчества великого драматурга Тикамацу Мондзаэмона, родоначальника и классика социально-психологического и нравоописательного театра Кабуки.

То же – относительно женской литературной самореализации. Арабская бедуинская поэзия, свободно принявшая в себя, кстати, и иудейских, и христианских сочинителей, уже в доисламский период оставила одно из ярких женских поэтических имен: аль-Ханса, а упоминавшаяся хэйанская литература Японии – увядающая, всемирно известная классика Страны Восходящего Солнца – была в своих вершинных образцах создана в основном женщинами: «Повесть о Гэндзи» («Гэндзи-моноготари») и танки Мурасаки Сикибу наряду с танками и «Записками» Сэй-Сёнагон тому доказательство. «Фигурный» стих, эпизодически возникавший в европейской поэзии во времена эллинизма, Средневековья и барокко, но утвердившийся как новаторский эксперимент во французской литературе конца XIX – нач. XX в. в качестве знака «конца столетия» (*fin de siècle*),

«поворота веков» (*Jahrhundertwende*), эпохи декаданса и модернизма – разложения прежних форм и поисков новых – широко использовался в классической японской литературе с её культом зрительного искусства каллиграфии уже в первых веках 2-го тысячелетия.

Предтечей универсальных личностей европейского Возрождения видится нам на Востоке арабский гений аль-Джахиз, живший в кон. VIII – сер. IX вв.: внук негра-раба, прозаик, филолог, богослов, он оставил и стихи, и остроумно-наблюдательные рассказы о городской жизни («Книга о скупых»), и занимательно изложенные естественнонаучные труды, и описание «диковин» и удивительных происшествий, и трактаты по стилистике, риторике, истории, политике, географии, этнографии и зоологии, и философские и теологические сочинения, и эпатажно-вольнодумные размышления по социально-этическим проблемам («Гордость чёрных перед белыми», «О превосходстве речи над молчанием» и др.).

Знаменитый Ибн Сина (Авиценна) уже на рубеже X–XI вв. предвосхитил многие идеи европейского Просвещения, восхваляя научное знание, утверждая единство Бога и природы и задолго до Гегеля говоря о человеческой душе как о части мировой («Касыда о душе»), а андалусский араб Ибн Туфайль (XII в.), столь же многосторонний, как и вышеупомянутые деятели (медик, философ, астроном), написал роман «Живой, сын Бодрствующего», почти сразу же переведённый на латинский, а затем почти на все европейские и некоторые восточные языки, в котором показал процесс развития человеческого сознания на примере необычайной истории ребенка, брошенного судьбой на уединенный остров, – и трудно не увидеть здесь прообраз опубликованного почти шестью веками позже в Англии эпохи Просвещения романа Даниэля Дефо «Робинзон Крузо», так же, как и у Ибн Туфайля, сочинения «двойного плана», приключенческого и философско-концептуального одновременно, любимого на Западе (как и произведение Ибн Туфайля на Востоке) не только детьми, но и вполне взрослыми учёными (известно, что Адам Смит ссылался на историю Робинзона Крузо как на доказательство того, что большие состояния в буржуазном мире создаются не воровством, мошенничеством или эксплуатацией чужого труда, но личной энергией и предприимчивостью).

Число подобных примеров, избавляющих нас от европоцентристского комплекса собственной «сверхполноценности», можно умножить. Но самое важное, симптоматичное и об-

надёживающее при сопоставлении литератур (как и культур) Запада и Востока – это общность их базовой системы ценностей, свидетельством чему далеко не только Конфуций, прозванный «китайским Кантом» и уже в V в. до н.э. изложивший тот свод этических правил, без которых немислимо социальное общежитие и в основе которых лежит принцип гуманности («жэнь»), предвосхитив тем самым фундаментальные положения будущего и общепризнанного в западном мире высоконравственного учения кёнигсбергского философа XVIII в. (в свою очередь близкие этике евангельского Христа). Убедительнейшие доказательства тому – в бесчисленных произведениях стран и народов Востока, фольклорных и авторских, особенно наглядные в народных арабских сказаниях «сира» («жизнеописания»), близких европейским рыцарским романам и посвящённых героям хорошо известных нам Крестовых походов – но уже, естественно, воюющих не на христианской, а на мусульманской стороне. Таковы, например, многочисленные жизнеописания легендарного поэта-воина Антары или мамлюкского султана Бейбарса – этих своеобразных Роландов арабского Средневековья: ситуативно разведённые по разные стороны геополитических и вероисповедальных баррикад, рыцари и Запада, и Востока одинаково наделены народным сознанием и воинской доблестью, и мужественной силой, и верностью долгу, и преданностью в дружбе и любви – разве что арабские герои, подобно японскому принцу Гэндзи из романа Мурасаки, более чувствительны к женской красоте (не сочтём эту

эстетическую отзывчивость Востока за банальную страсть к обольщению).

Специфика национального восприятия безусловна, она окрашивает в разные цвета создаваемую усилиями нашего духа картину мира [2] – но в основе её везде лежит сюжет с героем, осознающим свою особую миссию, особую ответственность – перед Иеговой ли, Христом или Аллахом – за своё бытие, способное и должное подняться над «животностью» примитивного самовоспроизведения, знающим о том, что есть «Добро» и «Зло» и что есть «Идеал» (цель «программы» совершенствования, заложенной в нём как представителе рода), к которому стоит стремиться и которое с неистребимым многообразием отражает вся целокупность мировой литературы [3, 4].

Список литературы

1. Ховрина [Якушева] Г.В. Эссе Генриха Манна «Золя» // Филологические науки. 1971. № 4. С. 38–48.
2. Никулин Н.И., Семанов В.И. Литература Восточной, Юго-Восточной и Центральной Азии: Введение // История всемирной литературы в 9 т. Т. 5 / От. ред. С.В. Тураев. М.: Наука, 1988. С. 561–566.
3. Неупокоева И.Г. Всемирная литература // Краткая литературная энциклопедия: В 9 т. М.: Советская энциклопедия, 1978. Т. 9. С. 201–210.
4. Якушева Г.В. Фауст смотрит на Восток: К проблеме преодоления западноцентризма в изучении зарубежной литературы // Світова література на перехресті культур і цивілізацій: Збірник наукових праць. Вип. 1. Сімферополь: Кримський Архів, 2008. С. 336–359.

WEST AND/OR EAST? (TO THE PROBLEM OF OVERCOMING WESTERN-CENTRISM IN THE TEACHING OF FOREIGN LITERATURE)

G. V. Yakusheva

The article discusses the problem of the study of foreign literature in our modern schools and especially in the institutes of higher education not only as Western but also as Eastern literature.

Keywords: foreign literature, West, East, dialogue between the cultures, world literature.